

Бернд Фауленбах

Отто Хёч и изучение Восточной Европы в Веймарской республике

Вступление: тема и постановка вопроса

Короткая эпоха Веймарской республики отличалась разносторонними, зачастую противоречивыми германско-российскими отношениями в области культуры, которые находились в определенном антагонизме с политико-общественным развитием в Германии и Советском Союзе. По оценке Карла Шлётгеля после Первой мировой войны именно в Германии, особенно в Берлине, собиралось «всё знание, связанное с Россией и Советской Россией».¹ Здесь возник центр изучения России вне пределов России, что нашло выражение в «расцвете российских исследований».²

Фоном для этого послужило не только присутствие русскоязычной эмиграции в Берлине, т. е. русских, покинувших страну по причине гражданской войны и победы большевиков в западном направлении, как, например, меньшевики, или русских, служащих большевикам, которые имели специфический интерес к событиям в Германии. Гораздо более важным фактором послужило то, что и в этом сегменте немецкого общества был заявлен особый научно-политический интерес к Советской России (вне коммунистического рабочего движения), – интерес, который выражался в создании научных учреждений, проведении совместных мероприятий, заботе о политическом образовании, появлении публикаций в журналах и прочих изданиях, исследовательских поездках.

В определенной степени главной фигурой изучения России в Германии был историк, краевед, организатор научной сферы, а также политик Отто Хёч – борская, необычайно активная личность. Он был профессором в Берлинском университете, вице-президентом в Германском обществе по изучению России (в 1918 г. оно было переименовано в Общество по изучению Восточной Европы), депутатом Рейхстага от немецкой национальной партии. В ней он представлял позицию меньшинства, в конечном итоге был со-основателем народных консерваторов и присоединился Веймарскому кружку верных республике преподава-

¹ Schlögel K. Berlin – Ostbahnhof Europas: Russen und Deutsche in ihrem Jahrhundert. Berlin, 1998. S. 308.

² По теме исследования России см.: там же. S. 308–324; Camphausen G. Die wissenschaftliche historische Russlandforschung in Deutschland 1892–1933 // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 42. Wiesbaden, 1989. S. 7–108.

телей ВУЗов. Также он был публицистом, путешественником по России, и т. д. – т. е. разносторонним, разноплановым специалистом.³

В начале моей статьи я бы хотел описать возникновение интереса Хёча в отношении России, потом осветить его стратегию ориентации на Восток, в чем он был не одинок (стратегия эта ввиду ориентации немецкой политики представляла собой контрапункт к ориентации на Запад). Далее будет рассмотрен вопрос об отношении между ориентацией на восток и изучением Восточной Европы, где следует осветить вопрос организационных форм исследований, так же как и образ Советской России. В заключении следует подытожить статью выводом о значении Хёча и изучения Восточной Европы для Веймарской республики и немецко-российских отношений.

Академический и политический путь становления Отто Хёча и его результаты

Отто Хеч родился в 1876 г. в Лейпциге, в семье жестянщика. Он получил высшее образование в Лейпциге, у Карла Лампрехта, бывшего в ту пору достаточнно спорной фигурой, не в последнюю очередь из-за инновативного методологического подхода. Хёч защитил диссертацию об экономической и социальной структуре сельского населения в регионе курфюрства Саксонии и защитил докторскую диссертацию в 1906 г. в Берлине – под влиянием Густава Шмидлера и Отто Хинце – на тему о сословиях и администрации в регионах Клеве и Марк в XVII веке.⁴ Его академический опыт предопределил не только его интерес к всеобщей истории, под которой подразумевалась политическая история, но также и к конституционной, экономической и социальной истории. Но в конечном счете для него – как и для всего поколения в целом (только последующее исходило из понятия народа) – государство было центральной категорией. Широкий угол зрения с готовностью к компаративным вопросам обрисовывал также и его деятельность по изучению истории и современности Восточной Европы.

Уже во время обучения в Лейпциге Хёч интересовался Россией. В 1904 г. он впервые совершил путешествие в царскую Россию, потом он почти каждый год перед тем, как началась Первая мировая война, ездил в Россию. В 1920-х гг. он возобновил эту привычку путешествовать. Он руководствовался не только академическим, но и политически-общественным, а также и краеведческим интересом. Его восторгала специфика, если можно так сказать, индивидуальность Рос-

³ О Хёче см.: *Faulenbach B. Otto Hoetzsch // Historikerlexikon/R. v. Bruch, R.A. Müller (Hrsg.). 2. Aufl. München, 2002. S. 154–155; Epstein F. T. Otto Hoetzsch und sein „Osteuropa“ 1925–1930 // Osteuropa. 1975. Н. 8–9. S. 541–554; Kuebart F. Otto Hoetzsch – Historiker, Publizist, Politiker: Eine kritische biographische Studie // Там же. S. 602–621; Voigt G. Otto Hoetzsch 1876–1946: Wissenschaft und Politik im Leben eines deutschen Historikers. Berlin, 1978; Liszkowski U. Osteuropaforschung und Politik: Ein Beitrag zum historisch-politischen Denken und Wirken von Otto Hoetzsch. 2 Bde. Berlin, 1988.*

⁴ *Hoetzsch O. Stände und Verwaltung von Cleve und Mark in der Zeit von 1666 bis 1697. Leipzig, 1908.*

ции в историческом и политическом плане.⁵ Уже перед Первой мировой войной он предполагал распознать потенциальную историческую динамику – в российском капитализме, в желании крестьян получить землю, в угрозе Старому режиму. Он видел в России ту витальность, которой ему не хватало в западной цивилизации, и поэтому значительный потенциал для будущего.

В 1906 г. Хёч стал профессором истории в Королевской Академии в Познани, однако и далее проводил лекции в Берлинском университете. В качестве члена немецких национальных союзов, таких как «Остмаркенфереин», союза Флота и т. д., он был приверженцем политики германизации в Польше, имеющей целью поселение сотен тысяч немецких крестьян на этой территории.⁶ Таким образом, – и это здесь необходимо констатировать – нельзя не заметить в растущем содействии Хёча немецко-российским отношениям антипольскую нотку. Россия и Германия были для него гегемониальными державами в Центрально-восточной Европе.

Хёч усиленно обратился перед Первой мировой войной к изучению истории Восточной Европы. Так, он начал – ему содействовал Отто Хинце – компаративное изучение конституционной и социальной истории Восточной Европы. Первый выпущенный в 1911 г. очерк носил программное название «Образование государства и развитие конституции в истории германско-славянского Востока».⁷

Хёч опубликовал в 1913 г. «Заметку в целях основания Германского Общества по изучению России», которое должно было содействовать научному исследованию России, заниматься организацией культурных мероприятий и ряда лекций, а также развивать отношения с Россией. Общество действительно было основано еще в октябре того же года. В том же году была выпущена книга Хёча «Россия. Введение в историю 1904–1912 годов», в которых была дана позитивная оценка развития России.⁸ При этом Хёча интересовала новейшая история России. Политически ему была важна ориентация немецкой политики на восток. На его взгляд, конфликтные точки с Россией можно было легко объяснить. Россия была для него партнером в споре с Западом, особенно с Англией.

Так внешнеполитический расчет связывался в сознании Хёча с особенной симпатией к России, в которой он видел шанс вселить в Европу новую силу. Эта пророссийская позиция отличала Хёча от Теодора Шиманна, руководившего в ту пору кафедрой истории Восточной Европы в Берлине.⁹ Взгляд Шиман-

⁵ Cp.: *Schlögel K.* Berlin – Ostbahnhof Europas. S. 309 след.

⁶ См., напр.: *Hoetzs O.* Der Stand der Polenfrage und die Zukunft der preußischen Ostmarkenpolitik: Rede auf dem 79. Alldeutschen Vereinstag // Zwanzig Jahre alldeutscher Arbeit und Kampfe. Leipzig, 1910. S. 314–328. Vgl. *Voigt G.* Otto Hoetzs. S. 43.

⁷ *Hoetzs O.* Staatenbildung und Verfassungsentwicklung in der Geschichte des germanisch-slawischen Ostens // Zeitschrift für osteuropäische Geschichte. 1911. H. 1. S. 363–412. Wieder abgedruckt in: *Hoetzs O.* Osteuropa und deutscher Osten: Kleine Schriften zu ihrer Geschichte. Königsberg; Berlin, 1934. S. 1–49.

⁸ *Hoetzs O.* Russland: Eine Einführung auf Grund seiner Geschichte von 1904 bis 1912. Berlin, 1913. 2. Aufl. 1917. Cp.: *Koenen G.* Der Russland-Komplex: Die Deutschen und der Osten 1900–1945. München, 2005. S. 43.

⁹ См. об этом: *Camphausen G.* Die wissenschaftliche historische Russlandforschung in Deutschland 1892–1933. S. 39–40.

на на Россию был типичен для балтийского немца с выраженной дистанцией по отношению к России. Хёч, ставший в 1913 г. профессором в Берлине и действующим преемником Шиманна, продолжал курс ориентации на восток и во время войны, что приводило к конфликтам в сфере публицистики и отчуждению от историков Берлинского факультета. С его точки зрения – при этом он ссылался на Льва Толстого – не существовало никакой реальной вражды между немецким и русским народом, в отличии от того враждебного отношения к Англии, которое, на его взгляд, возрастало.¹⁰

Что касается эпохи до 1918 г., то следует отметить здесь не только исторический интерес по отношению к Восточной Европе, но и содействие в пользу немецкой ориентации на Восток и более тесное немецко-российское сотрудничество. Последнее было связано с идеологией «немецкого пути» – идеологией, которая проявляла себя еще четче после Первой мировой войны.

Ориентация на Восток в контексте немецкой внешней политики

В период Веймарской республики Хёч окончательно стал важной фигурой общественной жизни. Он был депутатом Рейхстага с 1919 по 1930 г., публицистом, историком, политическим экспертом, политологом, посредником и организатором научного процесса.

Исход мировой войны, Октябрьская Революция в России и Ноябрьская революция в Германии, возникновение Советского Союза и Веймарской республики, а также система версальских договоров основательно изменили ситуацию в Европе. Тем не менее Хёч не только остался предан своим принципам, но и еще более углубил свое изучение России – с большим интересом он следил за развитием дел в Советском Союзе и был одним из инспираторов немецко-российских культурных связей.

И в изменившихся условиях Хёч защищал такой «немецкий путь» развития во внешней и внутренней политике, который был бы независим от Запада и нацелен на стратегический союз с Россией, даже если ее внутреннее развитие вызывало разные вопросы. Нельзя сомневаться и в антибольшевистской позиции Хёча.¹¹

В своем произнесенном в Берлинском университете им. Фридриха Вильгельма праздничном обращении по поводу основания бисмаркского Германского Рейха, 18-го января 1921 г. (эта дата отмечалась и в других университетах, в определенной мере с отчетливой дистанцией к республике), Хёч отметил, что Германия не только географическая, но и «духовная середина» Европы. Из этого он сделал вывод о «задаче мирового значения для Германии найти более высокую духовную единицу между тем, что еще жизнеспособно на Западе и тем

¹⁰ См.: *Hoetzscher O. Russland als Gegner Deutschlands*. Leipzig, 1914. S. 14–15. Cp.: *Voigt G. Otto Hoetzscher*. S. 95 след.

¹¹ См. об этом: *Faulenbach B. Ideologie des deutschen Weges: Die deutsche Geschichte in der Historiographie zwischen Kaiserreich und Nationalsozialismus*. München, 1980; *Liszkowski U. Osteuropaforschung und Politik*. Bd. I. S. 199 след.

позитивным из кипящего Востока, что бы таким образом создать новые идеалы экономического уклада, общественного порядка, государственного строя, мировоззрения».¹² Примечательно контрастирование Запада, в упоминании которого звучит представление о закате и упадке, с Востоком, который «кипит», т. е. ареала, где возникает новое и процессы которого представляют для Германии особенный интерес.

В ранних 20-х годах, а также позднее, Хёч вновь участвовал посредством своих публикаций в поиске немецкого пути, соединявшего в себе элементы Запада и Востока. При этом он временами искал основание пути в представлении о государственном социализме, частично и в органологическом концепте парламента, составленного по признаку профессиональных сословий.¹³ Скепсис Хёча по отношению к партийной политике (хотя он сам был депутатом Рейхстага) – также как и скепсис и других консервативно ориентированных немецких историков, которые пытались говорить об «идеологии немецкого пути»¹⁴ – был связан с постановкой цели первенства исполнительной власти. Для него это означало усиление Рейхспрезидента, способного составить правительство независимо от парламента. Опираясь на американскую модель, Хёч предугадал концепт президентиальных кабинетов, что сыграло в заключительной стадии республики вместе с Рейхспрезидентом и его окружением свою губительную роль.

Отто Хёч поддерживал и далее внешнеполитически сотрудничество с Россией и не только приветствовал Рапалльский договор, но и пытался претворять его в действительность, в чем он сходился с руководством Рейхсвера, особенно с генералом Хансом фон Зеектом. Прежде всего он пытался оживить культурные отношения с помощью обмена, выставок, проектов и т. д. Эти отношения являлись для него самоцелью, хотя их антizападная направленность была очевидна. Эти антizападные представления нашли выражение и в критике по отношению к Локарно, которая касалась особенно последствий для Советского Союза.¹⁵ Конечно, в отношении немецко-советских связей для Хёча (который хотел в большей мере включить и США в этот процесс сближения) речь шла не в последнюю очередь о восстановлении Германии и преодолении Версальской системы путем нового оформления мирового порядка. Не вопрос, что Хёчу была важна и ревизия восточной границы и он мог с трудом согласиться с польской государственностью.

В своей партии Хёч был аутсайдером. В отличии от большинства членов Немецкой Национальной Народной Партии (DNVP) он считал себя репрезентантом демократов модели тори. Хёч хотел видеть DNVP в качестве «партии консервативного прогресса с социальным обеспечением».¹⁶ Он не хотел следовать курсу

¹² Hoetzsch O. Festrede // Reichsgründungsfeier der Friedrich-Wilhelm-Universität zu Berlin: Gehalten in der neuen Aula am 18. Jan. 1921. Berlin, 1921. S. 27.

¹³ Cp.: Liszkowski U. Osteuropaforschung und Politik. S. 205 след.

¹⁴ См.: Faulenbach B. Ideologie des deutschen Weges.

¹⁵ Cp.: Liszkowski U. Osteuropaforschung und Politik. S. 229 след.; Voigt G. Otto Hoetzsch. S. 158 след.

¹⁶ Schlägel K. Berlin – Ostbahnhof Europas. S. 319; Liszkowski U. Osteuropaforschung und Politik. S. 199, здесь: S. 210 (цитата из статьи Хёча от 5 июня 1920 г.).

немецких националов «вправо», куда они шли с 1928 г. С этого времени Хёча все больше критиковали из национального лагеря, и в том числе из-за его политики по отношению к России. Это было связано и с правым уклоном части буржуазии. Вне сомнений, в это время усилилась идеологическая поляризация, которая, конечно, была обусловлена политикой Иосифа Сталина, Коминтерна и КПД.

Формы организации изучения России и Восточной Европы

Революционный перелом и гражданская война в России в период Веймарской республики в первое время оказывали отрицательное влияние на научное исследование России. Тем не менее Хёч обсуждал российскую историю и российскую современность на семинарах и на лекциях, которые часто хорошо посещались. По количеству студентов на политических лекциях его можно было сравнить с Генрихом фон Трейчке. Он проводил академические занятия и в немецкой высшей школе политического образования и в политологическом колледже, финансировавшемся тяжелой индустрией и имеющем правый уклон. В немецкой высшей школе он участвовал в подготовке будущих дипломатов.

Немецкое Общество по изучению Восточной Европы сыграло – в любом случае, в значительной степени благодаря усилиям Отто Хёча – вскоре важную роль для всех действий по отношению к России. Хёч провел уже в 1920 г. конференцию всех немецких объединений и институтов, работающих по вопросам Востока и стал инициатором информационной поездки в Советский Союз. В 1923 г. он самостоятельно совершил поездку в Москву, остался здесь на целый месяц и общался в том числе и с народным комиссаром иностранных дел Георгием Чicherinym. Своими впечатлениями он поделился и с немецкой общественностью.¹⁷ Большое значение имел тот факт, что коммуникация с немецким правительством постепенно набирала ход.

Одновременно, Хёч заботился и о контактах с русскими эмигрантами в Германии и помог основанию русского института в Берлине, который был некоторое время чем-то вроде Русского университета в эмиграции.¹⁸

С 1925 г. началось издание журнала «Osteuropa», который был в планах еще с 1913 г. и которым руководил Хёч. Редактором был Ханс Йонас. Примечательно, что журнал публиковал как статьи о развитии страны Советов, принадлежащие перу представителей новой системы, среди них и народному комиссару Анатолию Луначарскому, в которых подчеркивался прогресс в Советском Союзе, например в области науки, так и статьи эмигрантов, критиковавших или отрицающих советскую систему. Против последней тенденции советская сторона протестовала. Тем не менее именно так возник форум с дискуссией о развитии в России. Большинство статей первых лет анализировали современность по отношению к внешней и внутренней политике, развитие в культурной и об-

¹⁷ Cp.: Voigt G. Otto Hoetzsch. S. 158 след.

¹⁸ Cp.: Camphausen G. Die wissenschaftliche historische Russlandforschung in Deutschland 1892–1933. S. 56 след.; Schlögel K. Berlin – Ostbahnhof Europas. S. 320.

щественной жизни в Советском Союзе. Только некоторые обсуждали темы, связанные с Польшей или Прибалтикой. В общей сложности Хёч и Йонас пытались следовать независимому курсу, так что журнал находил и международное признание.

Семинар Берлинского университета на темы истории Восточной Европы и краеведения стал в эти годы в особой степени центром исследования Восточной Европы и дискуссии о ней. Карл Штелин, коллега Хёча, выпускал здесь ряд изданий «Источники и сочинения о русской истории», Хёч – ряд изданий «Восточноевропейские исследования по истории России и Восточной Европы с XIX века до современности».¹⁹ Семинар притягивал и иностранных студентов, как об этом, например, сообщает Эдвард Халлет Кэрр, впоследствии – известный британский историк; в особенности лекции Хёча по средам о внешнеполитическом понимании современности притягивали – их слушал и Джордж Кеннан, ставший позже дипломатом и стратегом США.²⁰ Акцент работы Хёч переложил с истории на краеведение и политику. Прежде всего его занимала современная Россия.

Немецкое Общество по изучению Восточной Европы, чью работу стимулировал берлинский договор о дружбе и нейтралитете 1926 г., во второй половине 1920-х годов стало значительной инстанцией, не в последнюю очередь благодаря контактам между советскими и немецкими учеными. В июне 1927 г. состоялась конференция по природоведению, в которой советские естествоиспытатели смогли представить себя. Тут стоит упомянуть прежде всего российскую неделю историков в июле 1928 г. в Берлине.²¹ Если первоначально Немецкое Общество задумывало лишь небольшой симпозиум, то конференция, благодаря содействию народного комиссара по просвещению Луначарскому и историку Михаилу Покровскому, приняла более широкую форму. Например, на церемонии открытия в праздничном зале Академии Наук Пруссии присутствовали представители политики, среди них – советский посол и министр культуры Карл Хайнрих Бекер.

В своем вступительном слове Хёч упомянул, что идея недели историков играла роль и в разговоре с Чичериным и подчеркнул, что следует улучшить уровень знания по советской исторической науке. Правда, Хёч говорил и об «основном различии идеологии и методологии», но тем не менее надеялся на общее «стремление к объективной правде».²² Без сомнения, то, что эта неделя историков состоялась, несмотря на идеологические противоречия, являлось значительным достижением. В общей сложности было прочитано двенадцать лекций, прежде всего, на темы великорусской и украинской истории. Покровский обсуждал, например, «Теорию и возникновение московского абсолютизма», дру-

¹⁹ См. об этом: *Liszkowski U.* Osteuropaforschung und Politik. S. 513 след.

²⁰ *Schlögel K.* Berlin Ostbahnhof Europas. S. 308, 313.

²¹ См.: *Camphausen G.* Die wissenschaftliche historische Russlandforschung in Deutschland 1892–1933. S. 94 след.; *Voigt G.* Otto Hoetzsch. S. 211 след.

²² *Hoetzsch O.* Rede bei der Eröffnungsfeier der russischen Historikerwoche am 2. Juli 1928 // *Osteuropa*. 1927/28. S. 745–751. Речь Отто Хёча на открытии конференции Русской недели историков 2 июля 1928 г. // *Osteuropa*. 1927/28. S. 745–751

гими темами были «Заселение великорусского центра» и «Столыпинские аграрные реформы»; докладчики касались и вопросов историографии. Настоящее время оставалось вне рамок дискуссии. Доклады были опубликованы в «Восточноевропейских исследованиях».²³ С русской неделей историков была связана и выставка об «Исторической науке в Советской России 1917–1927 гг.» и разнообразные обмены мнениями между русскими и немцами. И хотя эхо прессы было различным, можно согласиться с Габриэлой Кампхаузен, которая пишет: «неделя историков в июле 1928 г. – апогей немецко-российских академических отношений».²⁴ Были заключены и некоторые договора, как, например о немецком издании публикаций советских документов о предыстории Мировой войны, которое, на взгляд Хёча, могло поддержать немецкую позицию в вопросе вины за начало войны – в этом смысле серия, однако, не оправдала ожиданий.

Исследования Хёча по России и Восточной Европе pragmatичным образом содействовали распространению знания о России и Советском Союзе, а так же и о Восточноевропейских странах. Хёч пытался при этом, не в последнюю очередь руководствуясь своими политическими целями, немного сгладить идеологические противоречия, что допускает вопрос о его видении советского развития в 1920-х годах.

Образ России Отто Хёча

Хёч пытался во время Веймарской республики, с одной стороны, точно описать развитие в Советском Союзе и, вписав его в русскую историю, просветить немецкое общество. С другой стороны, однако, он преследовал цель немецкой «ориентации на восток», которая ставила себе цель стратегической кооперации между Немецким Рейхом и Советским Союзом, что делало обязательным «доброе согласие» с советским руководством. Это могло, однако, привести к конфликтам в отношении целей.

После первого посещения Советского Союза в 1923 г. Хёч констатировал противоречивые факты: он видел государство, которое продолжало старые тенденции, но стояло на новой классовой базе, которая, несмотря на вызывающее соожаление исчезновение бургерской прослойки, показывала «непотраченные силы», и, несмотря на ее разложение, разрушение и нужду, продолжала иметь «сильную жизненную волю».²⁵ Хёч пытался собрать факты, трезво, без предубеждений, оценивать диктатуру пролетариата и террор как средство политики, также и выборы, которые представлялись фарсом. Большевистскую партию он мог сравнить с иезуитским орденом. С другой стороны, эксперт по России пре-

²³ Aus der historischen Wissenschaft der Sovjet-Union: Vorträge ihrer Vertreter während der „Russischen Historikerwoche“, veranstaltet in Berlin 1928 von der Deutschen Gesellschaft zum Studium Osteuropas/O. Hoetzsch (Hrsg.). Berlin; Köln, 1929 (=Osteuropäische Forschungen, Neue Folge 6).

²⁴ Camphausen G. Die wissenschaftliche historische Russlandforschung in Deutschland 1892–1933. S. 100.

²⁵ Цит. по: Liszkowski U. Osteuropaforschung und Politik. Bd. II. S. 517.

жде временно надеялся на эволюционное развитие советской системы и верил в жизнеспособность русского народа.

Статьи Хёча отличаются не только отсутствием антикоммунистической воинственности, но и объективной информацией и попыткой контекстуализации феноменов. Негативные стороны, такие как диктатура и террор, не особенно выделяются. Бросается в глаза подчеркивающее историчность человека стремление Хёча не прикладывать к развитию России западных мерок.

С 1928 г. Хёч говорил о «сталинизме», который он ни в коем случае не определял исключительно как технику господства. Отличительными знаками сталинизма были, с его точки зрения, форсированная индустриализация, коллективизация и пролетаризация многих миллионов крестьян (и бесчеловечность этого мероприятия), систематическое наступление против религии, церкви, идеализма, социалистическое строение, которое должно было помочь преодолеть развитие в капиталистических странах, государственное плановое хозяйство и систематическая вербовка молодежи. Сталинизм был для Хёча форсированным гипертрофированным марксизмом.²⁶

К пятилетке Хёч относился очень скептически, также как и к коллективизации сельского хозяйства (и сопровождавшему ее голоду): оба явления казались ему противоречащими человеческой природе; модифицируя, он рассматривал коллективизацию с указанием на «древние сельскокоммунистические предания» и современную форму товарищества. Несомненно, его поразили огромные проекты, такие как строение автомобильной фабрики в Нижнем Новгороде. И другие гражданские наблюдатели, не только коммунистические попутчики, были очарованы подобными проектами. Без сомнения, Хёч принимал участие в развитии коммунизма, хотя ему бросались в глаза и такие проблематичные черты как «прикрепление рабочих» к определенным предприятиям.

Хёч не ожидал экономической конкуренции для остальной Европы из-за развития социализма. Но при достаточном функционировании новой системы ожидалось сильное действие на массы безработных. В любом случае возникал вопрос, можно ли развитые здесь элементы руководства применить и в западном мире.²⁷

Для Хёча была характерна определенная амбивалентность, с которой он смотрел на советское развитие. Как историк он отмечал диктатуру, средства принуждения, жертвы, но и «веру, воодушевление, идеализм и сильную волю к преодолению отсталости».²⁸ Настрой к новым начинаниям он прежде всего видел у молодого поколения.

Определенные дефициты его точки зрения, однако, нельзя не заметить. Так террор, ГПУ и возникшая ранее система лагерей не были описаны систематически. Здесь можно задаться вопросом, насколько эти феномены еще были не видны, ослабила ли фундаментальная симпатия критику или здесь играла роль оглядка на немецко-советские отношения.

²⁶ См.: там же. S. 524–525.

²⁷ Там же. S. 533.

²⁸ Cp.: Hoetzsch O. Gegenwartsprobleme der Sowjetunion // Osteuropa. 1929–1930. S. 365–383. Цитата по: Liszkowski U. Osteuropaforschung und Politik. Bd. II. S. 534.

В ранних 1930-х годах климат, в котором говорили о коммунизме и Советском Союзе, изменился. В немецком обществе критиковали старый курс «Немецкого Общества». Хёч – как политическая фигура – потерял влияние.²⁹ Правда, с 1931 г. он издавал журнал по истории Восточной Европы, не выпускавшийся с 1914 г. Политически он сейчас, очевидно для всех, выступал как разумный республиканец, что, однако, не мешало ему в 1933 г. в одном из своих сочинений воспеть приход к власти национал-социалистов и приобщение к господствующей идеологии как «национальную революцию», – революцию, которая якобы продолжала прусскую традицию, имевшую для Хёча всегда нормативное качество. В национальной революции он видел возвращение к «немецкому пути».³⁰ Но приспособление Хёча к новой ситуации не предотвратило его преждевременный «уход» на пенсию в 1935 г.³¹ В 1945 г. он был возвращен на службу по инициативе университетских органов и СВАГ³², но вскоре умер.

О роли Хёча и восточно-европейских исследований

Отто Хёч был «открыт» практически одновременно в ГДР и ФРГ в 1970-х годах.³³ Он, вне сомнений, являлся важной фигурой историографии Восточной Европы, и его роль положительно интерпретировалась историками в обоих немецких государствах.

Хёч и его окружение во время Веймарской республики продвигали исследование России и Советского Союза, которое было относительно объективным, – оно отличалось от прославления СССР со стороны КПГ, но и дистанцировалось от строгого антикоммунистических настроений, распространенных в немецком обществе.

Правда, исследования Хёча в отношении России и Восточной Европы были специфически обусловлены ориентацией на Восток, связанной с представлениями о немецком пути и антизападноевропейскими настроениями.

В любом случае, Хёч сделал значительный вклад в развитие российско-немецких культурных связей послевоенного времени благодаря своим исследованиям, посвященным России. Отношения между двумя государствами, на его взгляд, должны были развиваться, основываясь на понимании России и Советского Союза в немецком обществе, правда, некоторым особенностям жизни в тогдашнем Советском Союзе уделялось недостаточно внимания. Учитывая амбивалентность его позиций и его политической роли, мы только с оговорками можем назвать Хёча предвосхитителем дела нашей немецко-российской комиссии историков. Тем не менее он является частью ее предыстории.

²⁹ Ср.: *Voigt G.* Otto Hoetzsch. S. 229 след.

³⁰ *Hoetzsch O.* Die deutsche nationale Revolution: Versuch einer historisch-systematischen Erfassung // Vergangenheit und Gegenwart. 1933. S. 353–373. Vgl. *Faulenbach B.* Die „nationale Revolution“ und die deutsche Geschichte // Die nationalsozialistische Machtergreifung/W. Michalka (Hrsg.). Paderborn; München; Zürich, 1984. S. 357–371.

³¹ См. об этом также: *Schlögel K.* Berlin – Ostbahnhof Europas. S. 321–322.

³² Ср.: *Voigt G.* Otto Hoetzsch. S. 274 след.

³³ См.: Примечание 3.